

ЛОШАДЬ

Маша с детства боялась лошадей. (А лошади с детства боялись Машу, хочется написать автору, продолжая традиции детских книг). Но, не знаем, пугал ли кто-то Машей лошадей, а вот Машу лошадьми пугала бабушка. Когда Маше было пять, они с бабушкой приехали в деревню, навестить родню (седьмая вода на киселе, говорила бабушка, но родственные связи надо иногда поддерживать). Потом родня куда-то затерялась, переехали на край света, что ли, Маша не помнила. А вот лошадь помнила очень хорошо, и бабушкины инструкции тоже – сзади не подходить, может лягнуть, спереди тоже не подходить и не кормить – укусит и непременно откусит палец, сбоку не приближаться – испугается, понесёт, наступит. Она была огромная, чёрная (вороная, как сказал четвероюродный дядя, удивляясь бабушкиным страхам, но не протестуя – у городских свои причуды). Лошадь стояла у забора на соседнем дворе, косила глазом и вроде бы даже улыбалась, и Маше сразу захотелось угостить её сахаром, как в той книжке, что читали с мамой, но бабушка запретила. Маша была маленькая, а бабушка большая и строгая – и Маша не спорила. Она издали смотрела на огромную чёрную лошадь, и боялась. Вдруг, правда укусит! Или лягнет!

Они скоро уехали из деревни – городская бабушка не выдерживала жизнь без удобств, петухи эти кричат в пять утра, мыться в бане, туалет на улице. И родственники уехали (и потерялись). И лошадь, наверное, тоже уехала, думала Маша, вспоминая те скучные дни – ей не разрешали ходить дальше своего двора – заблудится, замёрзнет, утонет, волки съедят, голову напечет... (Волков Маша тоже боялась, но история не про них).

Так вот. Маша с детства боялась лошадей, уже много лет. И ничего не могла с собой поделать. По дороге в школу иногда она встречала их, катающих туристов в каретах. Лошади цокали копытами по мостовой, помахивали плюмажем, гордо подняв головы, были сосредоточены на своём деле, и вроде, слушались кучера, но Маша представляла, как они понесут, опрокинут карету, все будут кричать, кто-то сломает ногу (Маша), или даже шею, как в той истории про Скарлетт, в общем, лучше всего обходить их стороной. Все Машины одноклассницы обожали лошадей, обсуждали их горделивый вид, рисовали портреты, кое-кто занимался выездкой, поговаривали, что у Василисы, той выскочки из параллельного класса, есть собственная лошадь в загородной конюшне, и она собирается стать настоящим жокеем. Маша тоже рисовала. Она хорошо рисовала, с детства. Училась в художественной школе. Тренировалась на бабушке и натюрмортах – в бабушкиной квартире было множество предметов для них, причудливые кувшины и вазы, фарфоровые статуэтки, разнообразные шкатулки, длинные бусы из разноцветных камней, цветные шали. Бабушка одобрительно

смотрела на натюрморты и портреты и говорила, что Маша ей льстит. А Маша не льстила, она просто хотела сохранить бабушку навечно и отчаянно боялась, что однажды её не станет – даже больше боялась, чем лошадей.

Кроме бабушки, у Маши никого не было. Так вышло, родители погибли, когда Маше было пять, автокатастрофа. Не лошади, нет. Маша смирилась, привыкла, хотя это ужасно больно, особенно когда рассказываешь кому-то, почему, например, твоему поступлению в Академию художеств радуются не папа с мамой, а только бабушка.

Бабушка не просто радовалась, она гордилась. И, хотя ей было уже сложно выбираться из дома так далеко, приехала однажды, чтобы Маша показала ей, где будет теперь проводить время. Красивое старинное здание с колоннами, у спуска к набережной – пара сфинксов, настоящих, египетских, кто не отгадает их загадки, того съедают, но Маша пока отгадывала. И парк. А в парке – маленькая конюшня. И в ней, конечно, лошади.

Их надо было рисовать, с натуры. Как Клодт, делавший наброски своих коней, укрощенных человеком. Когда Маша думала о том, как в мастерской скульптора лошадь поднимали на дыбы, чтобы мастер сделал зарисовки – она чувствовала, что на месте Клодта не смогла бы провести и штриха. Лошадей в конюшне было три. Белая, каурая и пони, вороная (чёрная), как та, в детстве. Только теперь Маша была большая, а пони (лошадь) маленькая. Маша была послушная студентка, и как было велено, рисовала и рисовала, стараясь передать каждую черту, каждое движение, каждый взмах ресниц. Какие у неё глаза, у этой маленькой лошадки! Как будто всё понимает. И губы бархатные. Ну, точно, будто улыбается и хочет сказать «Не бойся, Маша! Ничего не бойся». Однажды Маша осмелилась и угостила пони морковкой. А потом погладила. Невесомо, едва прикоснувшись – вдруг, укусит. Но нет, не укусила. Посмотрела внимательно, будто поблагодарила. И опять улыбнулась. Или Маша это придумала?..

Выходит, Маша зря боялась все эти годы? Лошадей, и волков тоже? Ездить в машине. Подскользнуться и сломать ногу. Утонуть в незнакомом месте. Заблудиться навсегда. Маньяков в подворотнях. Злых собак. Забыть что-то важное. Совершить ошибку. Да много всего ещё! Бесконечно много страхов было у Маши, и тут вдруг лошадь. Маленькая лошадь ей, большой, улыбнулась. Значит, не обязательно бояться?..

Потому что некоторые страхи пропадают, когда рассмотришь их в подробностях. Разглядишь чёлку и ресницы. Улыбнешься в ответ, или первый. Вдруг увидишь, что страх маленький, меньше тебя. Поймёшь, что ты выросла и стала сильнее страха.

Если, конечно, не случится самое страшное.

Но Маша теперь думает, это ещё не скоро – должен же кто-то гордиться Машиной дипломной картиной! Конечно, с лошадьми!